DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.1.1>

УДК 1:32

ББК 87.6

МЕЖДУ СВОБОДОЙ И КОНСЕРВАТИЗМОМ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В ГЕРМАНИИ (XIX–XX вв.)

Роман Николаевич Пархоменко

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии,
Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)
parkhomenko@mail.ru
ул. Образцова, 9, стр. 9, 127994 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется развитие либеральных идей в Германии, на которое большое влияние оказала германская консервативная мысль и, в частности, течение «консервативной революции», к которому относятся О. Шпенглер, Э. Юнгер, Ф. Юнгер, К. Шмитт, М. Хайдеггер, В. Зомбарт, Х. Фрейер, А. Меллер ван дер Брук, О. Шпанн, Э. Никиш. Общими идеями для всех этих мыслителей было неприятие Версальского договора и Веймарской республики, критика парламентской демократии, а также основных установок идеологии либерализма. Мыслители течения консервативной мысли в Германии подчеркивали необходимость соединения консерватизма и социализма с тем, чтобы противопоставить эти идеи либерализму англо-американского образца. В начале XX в. германская «культура» и англо-французская «цивилизация» часто рассматривались как антиподы – Германия как страна высокой духовной культуры противопоставлялась торгашескому духу «Запада» – так называемому «английскому духу». На место утилитаризма в Германии ставится сила духа, долг, преданность и героизм. Особое развитие эти идеи получили в работах М. Шелера, В. Зомбарта и Т. Манна.

Поэтому, если попытаться сегодня осмыслить судьбу либерализма в Германии, то нетрудно заметить, что в Германии либерализм долгое время был очень непопулярной и даже «нелюбимой» идеологией в политических кругах. Этот факт, в свою очередь, привел к тому, что в первой половине XX в. в Германии идеи либерализма не имели особого успеха и не получили должного развития.

Для полноты картины автор соотносит германскую либеральную традицию с российской либеральной традицией с целью выявления сходств и различий в понимании идеи свободы в обеих странах.

Ключевые слова: свобода, консерватизм, либерализм, Германия, философия, консервативная революция, нация.

В данной статье автору хотелось бы кратко показать основные особенности развития либеральной философской мысли в Германии, на которую очень большое влияние оказал консерватизм, в частности, так называемое течение «консервативной революции». Феномен течения «консервативной революции», возникшего в Германии в первой трети прошлого столетия и оказавшего большое влияние на политическое и интеллектуальное развитие Германии той эпохи в целом, явился ярким выражением особых черт германского менталитета, которые, с одной стороны, отдаляли его от западной идеологии индивидуализма, а с другой – сближали с российской традицией соборности и коллективизма.

Работу «Размышления аполитичного» Т. Манна, опубликованную в 1918 г., принято считать первым программным произведением этого феномена в Германии; также Т. Манн и впервые использовал термин «консервативная революция» в своем предисловии к антологии русских писателей, правда, несколько позже – в 1921 году. Необходимо заметить, что в современном устоявшемся смысле это понятие было употреблено и теоретически обосновано еще позднее, а именно в книге известного германского историка А. Молера [7], выдержавшей позднее несколько переизданий. Самыми видными представителями течения консервативной революции традиционно считаются О. Шпенглер, Э. Юнгер, Ф. Юнгер, К. Шмитт, М. Хайдеггер, В. Зомбарт, Х. Фрейер, А. Меллер ван дер Брук, О. Шпанн, Э. Ницше. Общими идеями для всех этих мыслителей было неприятие Версальского договора и Веймарской республики, критика парламентской демократии и основных положений идеологии либерализма.

По мнению А. Молера, новым в течении консервативной революции в Германии было то, что, в отличие от «классических» версий консерватизма и национализма, нация понималась как некое «душевное состояние» и как империя, не совпадающая с географическими границами определенного национального государства. Таким образом, у представите-

лей консервативной революции в Германии национализм понимался в смысле идеи европейской федерации.

В политическом смысле консервативная революция была задумана как национально-освободительная революция, направленная против идей Версальского договора: «на место либерализма и механической организации общества должно прийти органическое единство нации <...>, в котором снимаются все противоречия эпохи. Консервативная революция мыслилась как нечто противоположное революции и «идеям 1789» – как восстановление вечных ценностей» [3, с. 287] и как тотальная мобилизация всех человеческих и материальных ресурсов и создание плановой экономики. Представители этого течения консервативной мысли говорили о необходимости соединения консерватизма и социализма, для того чтобы противопоставить эти идеи англо-американскому либерализму. В философском смысле также противопоставляются германская «культура» и англо-французская «цивилизация», и, вообще, Германия как страна высокой духовной культуры противопоставляется торгашескому капиталистическому «Западу», так называемому «английскому духу». На место утилитаризма ставится сила духа, долг, преданность и героизм. Эти идеи получили особенное развитие в трудах М. Шелера, В. Зомбарта и Т. Манна.

Именно у Манна мы находим целый ряд высказываний о сходстве России и Германии как «консервативных» стран, где господствуют духовные ценности, несовместимые с идеологией прагматизма и утилитаризма англосаксонских стран. Таким образом, нетрудно заметить, что в течение консервативной революции национальная тема совпадает с темой нового консерватизма как «отвержения обычного для консерватизма обоснования земной иерархии ссылками на небесную, на извечно установленный божественный порядок. Вслед за Ницше они [представители течения консервативной революции] отвергают «удвоение мира» и трансцендентный моральный порядок» [4, с. 77].

Идеалом человеческой личности у Юнгера и Никеша выступает рабочий, главной ценностной установкой которого является не индивидуализм, а коллективизм, дисциплина и разделение труда, а свобода понимается как возможность трудиться, а не вести бесконечные дебаты в парламенте. По мнению современных исследователей, течение консервативной революции демонстрирует ярко выраженные авторитарные и анти-эгалитарные черты: если рассмотреть это течение в аспекте политической философии, то его главный смысл можно выразить как репрезентацию авторитета, а также прямое противопоставление легальности и легитимности. «Отсюда объясняется, в частности, взывание к верховной власти, выступающей у разных авторов под разными именами, но имеющей один и тот же общий смысл. Ведь и «цезарь» Шпенглера, и «государственный муж» <...> Фраейера, и «рабочий» Юнгера отвечают требованию легитимации в условиях ее отсутствия, в условиях дискредитации легальных демократических институтов» [2, с. 268–269].

Не случайно К. Шмитт пытался обосновать понятие «децизионизма» (теории принятия решений), опираясь на «Левиафан» Т. Гоббса. Для обоснования легитимности законов властью используется страх смерти. Детальный анализ вопроса о легитимности власти можно найти в работе Э. Юнгера «Рабочий» (1932), которая хронологически считается одной из последних программных работ течения консервативной революции как общественно-политического и интеллектуального феномена Германии первой трети прошлого столетия.

Именно у Э. Юнгера хорошо видна двойственность и двусмысленность течения консервативной революции, находящейся между двумя полюсами – крайним проявлением революции и крайним проявлением авторитаризма и только лишь подчеркивается попыткой сочетания моральной и политической сфер. У Э. Юнгера тотальная мобилизация знаменует, помимо прочего, и модернизацию технических средств ведения военных действий, способствующую «выходу» чисто национального конфликта на мировую арену. Именно таким образом снимается вопрос о рациональной и моральной оправданности средств ве-

дения военных действий и утрате «юридического» различия между состояниями войны и мира. В этой ситуации Э. Юнгер и формулирует свой вопрос о том, существует ли точка, в которой «власть и право тождественны»? Потому что только в этой точке о войне и мире возможно принятие «авторитарного решения» [5, с. 279].

По мнению Э. Юнгера, вопрос о сути политической легитимации власти представляет собой вопрос об «особенном и необходимом, но никоим образом неволей определяемом отношении к власти, которое можно определить и как некое задание. Как раз эта легитимация и дает бытию явиться уже не как чисто стихийной, но как исторической власти. Мера легитимации определяет меру господства, которое можно достичь благодаря воли к власти. Господством мы называем то состояние, в котором безграничное пространство власти стягивается в точку, откуда оно проявляется как пространство права» [5, с. 131–132]. Именно поэтому вопрос об обосновании легитимности власти, или, иначе говоря, вопрос о тождестве власти и права, как полагал Э. Юнгер, не может быть выведен из последовательного следования политическим максима́м XIX столетия, – такое обоснование может быть достигнуто лишь революционным путем. Поэтому новое обоснование государственной власти у теоретиков консервативной революции шло по пути реконструкции власти революционным и авторитарным способом. При этом были рассмотрены разные аспекты такого обоснования: у Шпенглера речь шла о понятии «немецкого социализма», Меллер ван ден Брук говорил об имперском величии Германии, Эрнст Юнгер – как это было показано выше – дал свою трактовку национализма, К. Шмитт раскрыл понятие авторитаризма, а Э.Ю. Юнг подверг критике идеологию либерализма и формальной демократии.

Сегодня особый интерес представляет исследование вопроса о том, как идеи течения консервативной революции повлияли на восприятие либеральных идей в Германии и на формирование германского идентитета. Если попытаться сегодня осмыслить судьбу либерализма в Германии, то нетрудно заметить, что в Германии либерализм долгое вре-

мья был очень непопулярной и даже «нелюбимой» идеологией в политических кругах. Это, в свою очередь, привело к тому результату, что в первой половине XX в. в Германии идеи либерализма потерпели полный крах. Очень часто такое «неприятие» либеральных идей в Германии объясняется психологическими особенностями и менталитетом немецкого народа, крайним проявлением которого было возникновение реальной ситуации, способствовавшей расцвету национал-социалистской идеологии и приходу к власти Гитлера.

В этой связи известный отечественный исследователь Ю. Пивоваров ссылается на размышления Томаса Манна, который часто говорил о так называемом «провинциализме», присущем немецкой душе, что, в свою очередь, указывает на неприятие идей политической свободы классического англо-саксонского образца в Германии [9, S. 95]. В Германии понятие нации не приравнивалось к понятию свободы, поскольку понимание свободы в Германии стояло очень близко к «народно-антиевропейскому», даже варварскому восприятию идеи свободы. В Германии свобода воспринималась, прежде всего, как внутренняя свобода индивида, его моральный долг. Поэтому, хотя либерализм классического западного образца в Германии и был нелюбим, тем не менее, в немецкой культуре понятие свободы индивида все же было представлено – в отличие от российской интеллектуальной традиции.

В России либерализм был, так сказать, «задавлен» – с одной стороны реакционной идеологией, а с другой – революционными течениями. Если обратиться к отечественной истории, то нетрудно заметить, что в политической жизни России XX в. либеральные идеи играли заметную роль лишь восемь месяцев – с февраля по ноябрь 1917 г. – в то время как в политической философии России либеральные идеи получили свое заметное развитие [9, S. 97]. В истории политической мысли в России традиционно выделяется два периода: ранний «благородный» либерализм 1840–1880-х гг. и «новый» либерализм начала XX столетия. На сегодняшний день в нашей стране происходит «открытие» этого нового либерализма, когда важнейшие произведения русских либеральных мыслителей начинают переиздаваться и

подробно изучаться. Также в российском либерализме можно выделить и так называемую «фазу эмиграции» – когда сначала крупнейшие отечественные мыслители в 1920–1940-х гг. вынуждены были эмигрировать за границу, а затем в СССР возникает движение, получившее название «диссидентства» – 1960–1970-х годов.

Либерализм в России всегда был своего рода «внутренней эмиграцией» интеллектуалов: они пытались скрыться от наличных политических условий в область «абстрактного гуманизма». «Сегодня ситуация изменилась. Но в известной мере российские либералы сохраняют свою роль «внутренних эмигрантов». И большинству российского населения либеральные идеи чужды» [9, S. 99].

В Германии носителем идеологии либерализма выступил средний класс, широкий слой среднего сословия, в России либеральные идеи изначально были прерогативой элиты – дворянства и интеллектуалов, которые при этом постоянно искали компромисс с существующей властью. Быть может поэтому развитие послевоенной Германии так хорошо «вписалось» в основные установки классического англо-саксонского образца и вылилось в создание политической системы федерального устройства. Тем не менее развитие Германии в XX столетии было полно противоречий.

Если сравнить опять-таки развитие идей свободы и демократии в России и Германии, то можно заметить, что одним из главных различий между западным демократическим развитием общества и германским, равно как и российским, было стремление радикальных сил к установлению авторитарных режимов в этих двух странах. «США, Великобритания и Франция всегда рассматривали себя как часть всемирного экономического порядка и, вследствие своих экономических структур просто не могли иметь своей целью создание авторитарных режимов. Напротив, идея свободной торговли была важнейшей движущей силой американской внешней политики. Свободное обращение товаров, упразднение торговых ограничений и таможен было (и есть) центральным мотивом американской политики. Благосостояние страны должно было расти не благодаря мировой изоляции от других стран, а благодаря конкуренции и торговле. Как глав-

ная цель государства было повышение благосостояния населения, а не увеличение власти в государстве» [8, S. 207].

Еще Ф. Ницше говорил о большой популярности особой «добродетели» в Германии – добродетели силы, власти, порядка. Напротив, западные англосаксонские общества отвергают так называемое «статичное» представление о силе как гаранте порядка в обществе.

В англосаксонских странах утвердилось «динамическое» понимание государственного устройства: здесь признается относительность ценностных установок и предпочтений, а в качестве организующего принципа государства выступает прагматическое и эффициентное понимание политики – любое идеологизирование политики здесь отвергается. Если правительство не может эффективно и рационально управлять государством, то тогда выбирается другое правительство. Поэтому такая «особость», равно как и «особый путь» России и Германии западными интеллектуалами часто характеризуется как путь, ведущий из цивилизованного мира в варварство [8, S. 211]. Разница между этими двумя странами была лишь во внешней оценке «особых путей» России и Германии – если для западных наблюдателей российский тоталитаризм был обусловлен географическим положением (Россия «неполноценная» Европа), авторитарными традициями и в какой-то степени прогнозируем, то расцвет национал-социализма в Германии потряс всю Европу до самого основания.

Стоит отметить, что о недостаточном внимании немцев к сфере политического в своей работе «Запоздалая нация» писал еще Хельмут Плесснер [10]. Размышляя об «особом пути» (Sonderweg) Германии и о германской национальной идее, Плесснер попытался проанализировать истоки зарождения подобных идей. По его мнению, исторические условия формирования германского государства сложились так, что немецкие княжества, охваченные процессами объединения, оказались в ситуации выбора, следовать ли идее государственной организации на основании языка, или же идее германского Рейха. Выход был найден в том, что немцы, жившие в Австро-Венгрии не стали частью новой империи. Плесснер полагал, что с XVII в. «Германия

начинает отдаляться от Запада» [10, S. 42], а военные и государственные чиновники начинают доминировать в стране: «В Европе три народа не принимали с начала XVII в. участие в развитии современного государственного сознания: Испания, Италия и Германия. Ибо в решающий отрезок времени судьба была против них» [10, S. 42–43].

В исследованиях германских философов и историков также часто воспроизводится мысль Хайнриха фон Трейчке, который подчеркивал принципиальное противоречие между «немецкой культурой, с одной стороны, и англосакским материализмом и русским варварством, с другой» (цит. по: [6, S. 65]). Но если германские интеллектуалы видели свое главное отличие от «Запада» в развитой духовной культуре Германии, то сам «Запад» расценивал германский национализм и идею «особого пути» Германии в Европе и в мире как зависть и обиду немцев по отношению к «лидерам буржуазного мира» за то, что их (немцев) не замечают и явно недооценивают.

Очень показательна здесь точка зрения известного культуролога, профессора Бостонского университета Лии Гринфельд, которая характеризует пять основных европейских культурно-исторических типов национальных государств на примере Англии, Франции, России, Германии и Америки [1]. Результат подобного исторического анализа достаточно предсказуем – Л. Гринфельд как профессор Бостонского университета в качестве наиболее совершенной модели государственного устройства называет, конечно же, США, а англо-американская либеральная традиция оценивается ею как исторически первая и самая совершенная традиция либерализма в мире. Разумеется, в том, что касается происхождения и ценности либеральных традиций – здесь с мнением Л. Гринфельд трудно поспорить. Некое неприятие вызывают достаточно одиозные и однобокие трактовки демократически «отсталых» стран – России и Германии. Тем не менее всегда интересно взглянуть на себя самих глазами других, тем более, что работа, проделанная Л. Гринфельд, колоссальная.

Так, по мнению Л. Гринфельд, развитие германского национального сознания заметно отличалось от английского, французского и

русского: «Немецкое национальное сознание проявилось существенно позже; оно только зародилось во время освободительных войн против Наполеона в начале XIX века. И во Франции, и в России национальное чувство твердо укоренилось, а понятие “нация” доминировало в политической риторике к 1800 г.; в Англии национальная идентификация проявилась с XVI столетия. Тем не менее развитие национального сознания в Германии происходило исключительно быстро» [1, с. 263]. Германская национальная идентичность формируется, при этом, не аристократией и правящей элитой, а людьми интеллектуального труда – как результат долгого и мучительного процесса «интеллектуального брожения», подстегиваемого чувством «социальной неполноценности». Основными германскими духовными и интеллектуальными традициями, способствовавшими возникновению национального сознания, по мысли Л. Гринфельд, были пиетизм и ранний романтизм.

Главным носителем национального самосознания в Германии выступал средний класс: среди Англии, Франции, России и США, Германия – это единственная страна, подтверждающая точку зрения о том, что национализм – это «феномен, порожденный средним классом. Его лидеры на пути к национальной идентификации – выходцы скорее из буржуазии, чем из аристократии. Это исключение, однако, подтверждает правило, что интеллектуалы из среднего класса, предвестники и архитекторы немецкой национальности, имели мало общего и с буржуазией в целом, и с дворянством, глядевшим на них сверху вниз, да и с крестьянством, из которого большинство их и вышло» [1, с. 278]. Идея нации в Германии зародилась в эпоху Просвещения, когда преобладающим настроением в стране был космополитизм. Пиетизм, повлиявший на становление немецкого национального самосознания, нашел свое продолжение в романтизме, который использовал в секуляризованном виде основные идеи пиетизма. Отношение романтизма к идеям свободы и равенства было таковым, что романтики в Германии «не понимали и не чувствовали вкуса к свободе личности – то есть к личной независимости и свободе от принуждения и деспотичного правительства. Свобода, понимаемая таким об-

разом, казалась им чуждой, и они высмеивали ее» [1, с. 329].

Истинной свободой в Германии, по мнению Л. Гринфельд, была свобода исполнить цели природы. Поэтому свобода и была «осознанной необходимостью» – она могла проявиться лишь при полном подчинении личности коллективу и власти государства – при ликвидации и неприятии индивидуальной свободы личности. В конечном счете, немецкие романтики в течение двух столетий занимались поисками некоей «страны-мечты», где индивид принесен в жертву личности, а свою свободу он обретает в повиновении «полусвятым гениям», чья власть является абсолютной. Как мы видим, здесь можно провести прямые параллели как с русским соборным сознанием, где невыделенность отдельной личности из клана, коллектива являлась также определяющей характеристикой национального менталитета, так и с авторитарным построением российского государства и его ставкой на силу.

Превращение и перерождение романтического менталитета в национализм было «внезапным и непредусмотренным» и было вызвано вторжением и победами французской армии, поэтому Л. Гринфельд определяет немецкий национальный путь как «антифранцузский». Первым выражением «воскресшего» в XIX и XX вв. немецкого романтизма и нарождающегося немецкого национального самосознания «стала война с Францией. Это объясняет, почему немецкий национализм, который созрел так поздно и почти без предупреждения незамедлительно стал самым активистским, сильным и обладающим ксенофобным характером феноменом» [1, с. 340]. Германия, хотя в своих собственных представлениях и была частью Запада, тем не менее, она «черпала» свое вдохновение у «более передовых» западных наций – Франции и Англии – и подражала им. Поэтому и национальная гордость Германии зависела от того, насколько она могла похвалиться своими собственными достижениями перед «более передовыми» западными странами и от того, насколько эти страны признавали успехи Германии. Победа Наполеона, равно как и «жалкое и смехотворное» состояние немецкого общества привели к тому, что

национальная гордость в Германии была постоянно уязвлена.

Поэтому, по мысли Л. Гринфельд, возникновение немецкого национального сознания и национализма является ни чем иным, как результатом «антизападного *ressentiment*, внедренного в сложную систему пието-романтической мысли» (курсив наш. – Р. П.) [1, с. 365]. Немецкое национальное сознание, полагает Л. Гринфельд, отличаются следующие характерные черты: взгляд на западный мир как нечто недостойное и порочное; взгляд на современного человека как некую нецельную личность, отчужденную от общества и своей собственной сущности; определение «общественной сущности» как истинной природы человека; стремление изменить существующее общество радикальными средствами (даже путем войны или революции); и, наконец, упор на интеллектуалов как главных носителей идей радикальных преобразований в обществе.

В качестве вывода профессор Бостонского университет проводит мысль о том, что, как немцы-марксисты, так и немцы-антисемиты – все они «вылетели из одного гнезда. Их сжигало одно и то же желание, и враг у них был один и тот же. Дух и ум их был все еще духом пиетистов и романтиков. Их влекли ненависть, злоба и обида (*ressentiment*) на Запад. И те, и другие истово стремились к исполнению национальной мечты – голубому цветку – искали его, одни с правой стороны дороги, другие – с ее левой стороны. Когда они, вроде бы, его нашли, и у тех, и у других он оказался красного цвета» [1, с. 374]. И хотя романтизм и сыграл очень большую роль в формировании германского национального идентитета, все же не стоит абсолютизировать это течение, особенно в ущерб к собственно германскому пониманию идеи свободы, которое, хотя и не идентичное англо-американскому индивидуализму, все же присутствовало в германской интеллектуальной и духовной традиции.

Обращаясь к исконно германскому пониманию идеи свободы, хотелось бы обратить внимание на то, что это понятие хорошо коррелируется с понятием русской соборности. Среди немцев очень хорошо развито внутреннее чувство долга, чувство превосходства целого над его частями, а также необходимос-

ти отдачи своего долга этому целому, то есть государству и нации. Также и служение общей национальной идее всегда было важно в германской интеллектуальной и духовной традициях. Кроме этого, в Германии всегда подчеркивались ценности индивидуального образования и так называемой «внутренней духовности». То есть в германской интеллектуальной традиции и менталитете, так же, как в русской традиции, мы видим невыделенность субъекта из общества и подчинение отдельного человека целому (нации или обществу). А это позволяет напрямую соотнести русский и германский типы ментальности, особенно в контексте вопроса о рецепции и развитии либеральных идей в обеих странах.

Представляется, что мессианские идеи об «особом пути» и предназначении России в мире, постоянные духовные поиски смысла жизни, а также размышления об особом складе души россиян во многом предопределили как историческую судьбу, так и современную ситуацию в нашей стране. В этом смысле очень важно обнаружение параллелей между историческим и политическим развитием России и Германии, поскольку именно у этих двух народов постоянно возникала потребность в поиске своего «особого пути» и «метафизических корней» личности. Однако принципиальная разница между современными Россией и Германией состоит в том, что для немцев идея *Sonderweg* (особого пути) уже давно потеряла всю свою привлекательность и оценивается как устаревшая и изжившая себя идея. Сегодня в Германии руководство страны, да и рядовые немцы, находятся под сильным влиянием идей либерализма англо-американского образца, равно как и во внешней и во внутренней политике ФРГ просматривается сильная зависимость от установок и интересов США. И хотя данный факт достаточно четко осознается, однако самими немцами подобная политика Германии признается правильной и перспективной.

В заключение хотелось бы тезисно сопоставить сходства и различия между Россией и Германией по восприятию идей свободы и либерализма. Как представляется, определяющими здесь можно назвать следующие важные особенности:

– понятие нации в Германии не приравнивалось к понятию свободы, поскольку по-

нимание свободы в Германии стояло очень близко к «народно-антиевропейскому» восприятию идеи свободы – в духе идей консервативной революции;

– в Германии свобода воспринималась, прежде всего, как внутренняя свобода индивида, как его моральный долг. Поэтому, хотя либерализм классического западного образца в Германии и был нелюбим, тем не менее, в немецкой культуре понятие свободы индивида все же было представлено;

– Ф. Ницше говорил о большой популярности особой «добродетели» в Германии – добродетели силы, власти, порядка. Напротив, западные англосаксонские общества отвергают «статичное» представление о силе как гаранте порядка в обществе;

– носителем идеологии либерализма в Германии выступил средний класс, в России – дворянство и интеллектуалы, постоянно искавшие компромисс с существующей властью;

– в России возникла своя собственная «специфическая» версия «славянского» либерализма, когда место правовых гарантий свободы личности заняли гуманистические идеалы и идеал «правды»;

– появление и развитие либеральных идей в России произошло не в результате последовательного внутреннего развития общества, а в результате усилий властей. В отличие от западных обществ, которые, начиная с XVI и XVII вв. становились все более антропоцентрическими, в России главным принципом государственного управления всегда была сила – как и в Германии;

– наконец, помимо этого, в России и Германии идеям гражданского либерального общества противостояли и составляли сильную конкуренцию идеи «политического романтизма» и «консервативной революции».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гринфельд, Л. Национализм: пять путей к современности / Л. Гринфельд. – М. : Пер Сэ, 2008. – 528 с.
2. Михайловский, А. В. Консервативная революция: апология господства / А. В. Михайловский // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. – СПб. : Алетей, 2008. – С. 264–283.

3. Руткевич, А. М. Консервативная революция / А. М. Руткевич // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 2. – М. : Мысль, 2010. – С. 287–288.

4. Руткевич, А. М. Прусский социализм и консервативная революция / А. М. Руткевич // Консерваторы XX в. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – С. 66–90.

5. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт: Тотальная мобилизация. О боли / Э. Юнгер. – СПб. : Наука, 2000. – 539 с.

6. Löwentahl, R. Teilnahme an der Diskussion / R. Löwentahl. Erben der deutschen Geschichte. – Hamburg : Verlag Friedrich Oetinger GmbH, 1988. – 194 S.

7. Mohler, A. Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen / A. Mohler. – Stuttgart : Friedrich Vorwerk Verlag, 1950. – 287 S.

8. O'Sullivan D. Der Wille zur Macht – deutsche und russische Sonderwege aus westlicher Sicht / O'Sullivan D. (Hgg.) Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich. Köln/Weimar/Wien : Böhlau, 2001. – 236 S.

9. Pivovarov, J. Der ungeliebte Liberalismus / J. Pivovarov // Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich. Köln/Weimar/Wien : Böhlau, 2001. – 236 S.

10. Plessner, H. Die verspätete Nation / H. Plessner. – Stuttgart : Kohlhammer, 1962. – 174 S.

REFERENCES

1. Grinfeld L. *Natsionalizm: pyat putey k sovremennosti* [Nationalism: Five Ways to Modernity]. Moscow, Per Se Publ., 2008. 528 p.

2. Mikhaylovskiy A.V. *Konservativnaya revolyutsiya: apologiya gospodstva* [Conservative Revolution: an Apology for Domination]. *Kontsept "revolyutsiya" v sovremennom politicheskom diskurse* [The Concept of "Revolution" in Modern Political Discourse]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2008, pp. 264-283.

3. Rutkevich A.M. *konservativnaya revolyutsiya* [Conservative Revolution]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4-kh t. T. 2.* [New Encyclopedia of Philosophy in 4 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 2010, pp. 287-288.

4. Rutkevich A.M. *Prusskiy sotsializm i konservativnaya revolyutsiya* [Prussian Socialism and Conservative Revolution]. *Konservatory XX veka* [Conservatives of the 20th Century]. Moscow, RUDN Publ., 2006, pp. 66-90.

5. Yunger E. *Rabochiy. Gospodstvo i geshtalt: Totalnaya mobilizatsiya. O boli* [Workman. Domination and Gestalt: Total Mobilization. About Pain]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000. 539 p.

6. Löwentahl R. Teilnahme an der Diskussion [Join the Conversation]. Miller S., Ristau M., eds. *Erben der deutschen Geschichte* [Heirs of German History]. Hamburg, Verlag Friedrich Oetinger GmbH, 1988. 194 p.

7. Mohler A. *Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen* [The Conservative Revolution in Germany 1918-1932: Floor Plan of Worldviews]. Stuttgart, Friedrich Vorwerk Verlag, 1950. 287 p.

8. O'Sullivan D. Der Wille zur Macht – deutsche und russische Sonderwege aus westlicher Sicht [The Will to Power – German and Russian Special Way From

a Western Perspective]. *Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich* [Russia and Germany in the 19th and 20th Centuries: Two “Special Ways” Compared]. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2001. 236 p.

9. Pivovarov J. Der ungeliebte Liberalismus [The Unloved Liberalism]. *Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich* [Russia and Germany in the 19th and 20th Centuries: Two “Special Ways” Compared]. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2001. 236 p.

10. Plessner H. *Die verspätete Nation*. Stuttgart, Kohlhammer, 1962. 174 p.

BETWEEN FREEDOM AND CONSERVATISM: FEATURES OF DEVELOPMENT OF LIBERAL PHILOSOPHICAL THOUGHT IN GERMANY (19TH-20TH CENTURIES)

Roman Nikolaevich Parkhomenko

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy and Cultural Studies,
Moscow State University of Railway Engineering (MIIT)
parkhomenkor@mail.ru
Obraztsova St., 9/9, 127994 Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the development of liberal ideas in Germany, which was heavily influenced by German conservative thought and a “conservative revolution” in particular, which united O. Spengler, E. Junger, F. Junger, C. Schmitt, M. Heidegger, W. Sombart, H. Freyer, A. Moeller van der Bruck, O. Spann, E. Nikisch. Common to all the ideas of these thinkers was the rejection of the Treaty of Versailles and the Weimar Republic, the criticism of parliamentary democracy, as well as basic settings of liberalism ideology. Conservative thinkers in Germany emphasized the need for the connection of conservatism and socialism in order to oppose the idea of liberalism to its Anglo-American model. At the beginning of the 20th century German “culture” and the Anglo-French “civilization” are often seen as polar opposites – Germany as a country of high spiritual culture opposed to mercenary spirit of “the West” – the so-called “British spirit.” In Germany the utilitarianism is replaced by the power of spirit, duty, devotion and heroism. Special development of these ideas is present in the works by M. Scheler, W. Sombart and T. Mann.

Therefore, if today you try to make sense of the fate of liberalism in Germany, it is not difficult to note that liberalism has long been very unpopular and even “hated” ideology in political circles. This fact, in turn, led to the fact that in the first half of the 20th century in Germany the ideas of liberalism did not have much success and had not received proper development.

For completeness, the author relates the German liberal tradition with the Russian liberal tradition, in order to identify similarities and differences in the understanding of the idea of freedom in both countries.

Key words: freedom, conservatism, liberalism, Germany, philosophy, conservative revolution, nation.